

ВО-ПЕРВЫХ

člověk

человек

inimã

peessoa

mensch

人

homo

ὁ ἄνθρωπος

ἰθνη

adam

manus

gizon

onin

peyjãna

manuṣya

ndam

per

ḥanka

manusia

個人

ਅਦਮੀ

ci

manitnan

மனிதன்

ādām

ḥant

ਮੀਂਦ

ḥin

nofo

njeriu

ḥt

ḥak

ṣadamī

namir

j.in

latī

mteja

mt

nan tawo

ṣaki

popol

aja

nam

ḥc

mursi

ṣaki

ruja

nan tawo

ḥu

මනුෂ්‍ය

သော့သော့

ḥu

ḥu

ḥu

Рянсо Фиявече Во-первых

<https://litres.ru/73987884>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга без лица, но с большим сердцем.

Мы не знаем, кто рассказчик. Ни пола, ни имени, ни национальности — ничего. Но мы пройдем с ним путь с самого детства.

Это хроника выживания человека, запертого в созависимости с матерью.

История становится зеркалом для каждого, кто хоть раз чувствовал себя чужим в собственной семье. Честная исповедь о том, как трудно обрести собственное лицо, когда у тебя забрали детство.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Рянсо Фиявече

Во-первых

Глава 1

— Выглядываю утром в окно, а там в траве лежат два человека без сознания. Я быстро вызвала скорую, набрала бутылку воды, схватила какую-то еду и побежала вниз помочь им, — мама рассказывает за ужином, аккуратно раскладывая каждому порцию салата.

— Долго ехала скорая? — отец даже не поднимает глаз от тарелки.

— А что с ними случилось?! — выкрикиваю я, приподнявшись со стула и подавшись вперед.

Шлепок. Боль резко проникает от рта до ушей. Губы немеют, а челюсть покалывает. Стараюсь задержать дыхание, чтобы слезы не потекли и она не ударила еще раз. Мама так меня воспитывает. Учит не перебивать взрослых, когда они разговаривают.

— Быстро приехали. Оказалось, ребята слишком много выпили и уснули. Я отдала им продукты, сигареты тоже — с похмелья обычно тянет покурить.

— Ладно, всем спасибо, я наелся, — отец скрипуче отодвигает стул.

Вечером мама собирается в театр. Я люблю за ней наблюдать. Смотреть, как она пудрится и вычерчивает контур губ красной помадой. Как завивает длинные, блестящие, рыжие волосы, сродни русалочьим. Дома она ходит в шелковом зеленом халате, который переливается при каждом шаге. И с самого первого воспоминания я искренне верю, что она и правда русалка.

Мама — очень красивая женщина. Когда она идет по улице, люди всегда оборачиваются. Когда она приходит ко мне в садик, все с удивлением спрашивают: «У тебя мама что, актриса?»

У нее есть магическое тайное влияние на всех. Мне не особо важно, чтобы она со мной играла, пела или танцевала, даже разговаривала. Мне достаточно видеть её. Я часами могу рассматривать ее профиль, одежду, ловить ее смех. Следить, как меняется цвет радужки: она становится голубой рядом с белой шторой и ярко-зеленой, стоит ей накинуть свой халат.

Папа был юристом. И не мне папой. Однажды, придя из садика, открываю шкаф — на моей полке лежат какие-то чужие вещи. Иду на кухню, слышу грубый голос и запах табака: там мама с каким-то мужчиной. Высокий, красивый, но уже седой. Глаза — серые ледышки. Сидит в футбольной форме.

— Знакомься, это Александр, теперь он часть нашей семьи, — объявляет мама, искрясь от радости. До этого мама меня знакомила с несколькими ухажерами. Я помню Петра

— он научил меня запускать йо-йо. Помню Илюшу — он купил мне первые книги. Но Александр остался очень надолго. Каждый раз, когда он немного выпивал, он заходил ко мне в комнату с намокшими ресницами и говорил, что я его родной ребенок и ничего в жизни это не изменит.

— Мне задали в садике придумать 10 слов с буквой «у». Утка, улитка, урок... что еще можно?

— Ручка, капуста, — отвечает папа, не отрываясь от футбола.

— Но они не начинаются на букву «у».

— А где в задании указано, что слово должно начинаться на эту букву? Оно должно ее содержать. Соображай, детеныш.

— Точно.

— Старайся тренировать в себе внимательность к деталям. Это тебе всегда поможет, — бросает он и снова утыкается в прыгающий по полю мяч.

Глава 2

— С днем рождения, ребенок! — мама садится на край кровати. Она уже накрутила губы и заколола рыжие локоны жемчужной заколкой. — Займись пока чем-нибудь. Я накрушу ногти, и пойдем в парк аттракционов.

— В парк?.. — я еще не осознаю, сон это или реальность, и сильнее кутаюсь в одеяло.

— Да. Приедет Тина и тетя Лариса. Завтрак на столе.

Она ушла в ванную, оставив после себя запах лака и духов.

— Они опаздывают, — мама недовольно присаживается за столик уличного кафе. — Я закажу что-нибудь, а ты иди поиграй.

Покатавшись на ракетах, качелях-перевертышах, каруселях, я замечаю, что уже темнеет. Дыхание прерывается, а бок покалывает от бега. Подхожу к кафе, вижу издалека только ее длинное белое платье. Мама спит, облокотившись на стол; на нем стоит одна большая стеклянная бутылка.

— Мам?

Нет ответа.

Я тащу ее до такси, отчаянно стараясь не испачкать ее новый наряд. Не получается. Она выскользывает, падает и разбивает колени. Уже дома я смываю с нее грязь, укладываю в постель и мажу зеленкой ссадины: на коленках, на предплечье и немного у виска.

Сию на кухне со своим праздничным тортом, украшенным малиной. Она знает, что я люблю все с малиной. Желая, чтобы мама всегда была со мной рядом.

Мы пришли к тете Ларисе в гости. Они с мамой, как всегда, заперлись на кухне. Слышно только, как заходится в гоготе тетя Лариса, и этот звук смешивается с едким запахом табака.

— Извини, мы не смогли приехать на день рождения, — пролепетала Тина, держа что-то за спиной. У нее коричневые волнистые волосы, губки, как у утенка, и вечно ободранные колени. Она очень шумная и невероятно быстрая. Иногда казалось, что она везде и всегда вверх ногами. Они одинаково раскатисто смеялись с ее мамой, как если бы кто-то разбил тысячу колокольчиков о стену.

— Это тебе, я сама выбирала. — Она достала альбом для рисования в твердой обложке и огромный набор карандашей. — Надеюсь, ты не против, я на первой странице кое-что нарисовала для тебя сама.

— Ой, это же я! На лодке! Мы тогда все вместе ездили на рыбалку.

У Тины истинный талант. Для меня рисование — это лишь способ занять время, для нее — целый мир.

— Пошли, кое-что покажу, — шепчет она. Мы тихонько проскальзываем в ванную... Я сразу понимаю, что сейчас будет. У Тины есть любимая игра. Она наливает полную ванну и забирается туда, погружаясь целиком в воду. Она умеет на-

столько долго задерживать дыхание, что у нее синеют губы. Тина притворяется, что захлебнулась и умерла. Каждый раз меня пробирает дрожь, как в первый. И каждый раз, улавливая, что это шутка, все равно всё сжимается. И невольно руки сами вырываются ее вытащить из воды.

Уже за полночь. Тина разрисовывает мне ладонь красками.

— Котик, пора домой, прощайся с Тиночкой, — в комнату заходит мама.

Я пытаюсь зашнуровать кроссовки, мама ждет в дверях. Тишину разрывает грохот и резкий вой. Тетя Лариса толкнула Тину, и та расшибла затылок о раковину.

— Я тебе сколько раз повторяла: не мешайся под ногами! — рявкает тетя Лариса.

Тина хлопает носом в углу.

Мне жалко, что ей так больно. Но и мамой быть, наверное, трудно.

Глава 3

— Детеныш — папа шепчет это почти над самым ухом и дергает меня за плечо. — Эй, проснись. — Он аккуратно стучит указательным пальцем мне по носу. За окном стоит глубокая ночь.

— Что?

Он сидит на корточках перед моей кроватью.

— Вставай, одевайся, — он изучает мое лицо и оценивает степень сонливости. И чем выше поднимается его оценка, тем более неловким становится взгляд.

— Пап, еще темно.

— Нам придется ненадолго уехать.

Он вытаскивает из шкафа мои колготки и штаны.

— Не пойду, там холодно, — я пытаюсь вынуть пятку из-под одеяла, и меня тут же бьет озноб.

— Не капризничай.

Папа безуспешно пытается просунуть мне руки в рукава кофты.

— Я уже умею одеваться самостоятельно если что, — я вырываю у него кофту и натягиваю на себя.

Меня колотит от холода и от раздражения.

— Иди быстренько умойся, я жду тебя у выхода.

В ванной пытаюсь придать себе хоть немного бодрости, но злость окутывает меня.

На полке стоит новый папин флакон духов — дорогой, в тяжелом матовом стекле. Мама подарила его на день рождения. Я открываю крышку и выливаю половину в раковину, а внутрь набираю обычную воду из-под крана.

— Будешь знать, как будить меня по мелочам. Так-то.

Мы шагаем сквозь сугробы к остановке.

— Я одолжил другу машину, а он застрял на трассе. Нам нужно его выручить. Мама уехала, не оставлю же я маленького ребенка дома.

Он постоянно потирал ладони друг об друга и прятал подбородок в воротнике дубленки.

Мы заходим в трамвай. Он сажает меня на колени и обнимает.

— Смотри, как ярко. — Он разворачивает меня к окну.

В темноте пролетают огни машин и контуры зданий. Желтые блики плывут по стеклу, унося с собой остатки ночного раздражения. Папа берет мои ладошки в свои, согревая. Он прижимается губами к моей макушке, выдувая теплый воздух и щекоча затылок.

— Я бы тебя по мелочи никогда не разбудил — он немного запинается. — Но это друг. Понимаешь? Мы с ним с твоего возраста всегда вместе. Я не мог оставить его в беде.

Становится невыносимо жарко, как если бы меня живьем затолкали в печь. Особенно сильно тлеют уши.

— Па-ап, — что-то жалкое скребется в душе.

— А?

Я знаю, что никогда не найду в себе смелости признаться. Он ведь никогда меня не ругает. Даже голос на меня не повышает, что я не натворю.

— Ничего.

Глава 4

Мы переехали в новую квартиру. Огромную, залитую солнцем, со стеклянными дверями, переливающимися потолками и деревянным расписным столом на кухне. Мама обожала такие красивые и элегантные вещи. Она постоянно пропадала в магазинах, покупая скатерти, салфетки и изящные статуэтки.

Родители хотели поскорее закончить ремонт и найти мне школу. Поэтому на лето меня отправили к бабушке. Бабушка жила рядом с морем, в кирпичном доме с верандой, собакой на цепи и цветочным садом. Называть её «бабушкой» ни у кого язык не поворачивался. Её лицо обрамляли короткие, чуть ниже ушей, белые завитушки. Издалека она казалась одуванчиком. Каждое её утро начиналось с бигуди и кофе на веранде. Она носила только белый цвет, много золота и любила разные изысканные штучки, как и мама.

— Пойдем сегодня купим тебе новые шорты? А старые оставишь для двора, чтобы с собакой носиться, — она накрывала завтрак во веранде.

— Давай.

— И за булочками твоими заглянем.

Мы позавтракали. Бабушка считала, что после еды надо всегда расслабиться. Мы пошли в спальню с огромной кроватью под атласным покрывалом. Она наглухо зашторила ок-

на. Бабушка повторяла, что отдыхать и спать нужно только в глубокой темноте.

Вопреки низкому росту и миниатюрности, бабушка отличалась невероятно крепкой хваткой. Она с легкостью тягала пятидесяти килограммовые мешки.

Прижав меня к себе, она начала гладить мое плечо и на ухо шептала какую-то историю. И в этой чернеющей темноте не существовало ничего, кроме её ласкового голоса и прикосновений.

По вечерам мы расстилали покрывало во дворе и смотрели на звёзды. Она делала свое фирменное мороженое: раскладывала пломбир, обязательно в красивую хрустальную пиалу, терла сверху шоколад и засыпала малиной. И так мы сидели до глубокой ночи.

— Бабушка, а во что ты играла, когда была маленькая?

Она прищурилась, вглядываясь в небо.

— Ну, нам было особо не до игр, мы помогали матери по хозяйству и с огородом, отцу со скотом. Чаще мы этим занимались. А так, мы иногда любили шить одежду. Тогда мало что красивого удавалось найти, приходилось фантазировать. Мне нравилось рисовать эскизы, а моя сестра шила.

— У тебя что, есть сестра?!

Бабушка засмеялась.

— У меня три сестры. И один брат. Но их уже нет.

— Это как?

— Они погибли.

— Почему?

— Тебе что, прям про всех рассказать? — она закинула голову и специально подвинула руку, чтобы мне на ней было удобно лежать.

— Да!

— Ну слушай, котик, — она откашлялась и вполголоса начала рассказывать:

— Старшая сестра Жанна — самая умная. Она нам мать заменила, та всегда занята бытовыми делами. Купала нас, одевала, уроки проверяла. Жанна вышла замуж, родила двоих детей. Они жили в деревянном доме с большой печкой. И однажды всей семьей угорели, — она уставилась в одну точку на небе и роняла фразы в пустоту, погруженная в свои мысли, забыв о моем присутствии.

— Угорели? Это сгорели?

— Как тебе объяснить — она сморщила нос, будто это помогало ей размышлять. — В домах с печью важно следить за состоянием дымохода. Если его вовремя не почистить, то всё, по дому поползет угарный газ. От него просто засыпают и не просыпаются.

— И детки маленькие тоже?

— Да, котик. И такое бывает.

— А дальше?

— Моя вторая сестра — Лидия — самая красивая. У нее был яркий цвет волос, почти красный, когда мы все, девчонки, бледно-серые. Она мечтала стать дизайнером. Лидия от-

крыла свое ателье в центре города, вышла замуж за очень интеллигентного богатого мужчину. А через несколько лет начала пить. Ушла от мужа, сняла какую-то конуру. Я приехала к ней с грудным ребенком на руках, хотела предложить ей лечение, клинику Но встретила меня только опечатанная дверь. Соседи подтвердили худшее — Лидия умерла, и неизвестно, где похоронена. До сих пор не знаю, куда к ней прийти. Ведь нельзя так, без прощания, без молитвы, даже без захудалого цветочка, — её голос стал чуть тоньше, но она попыталась вернуть над ним контроль.

— Бабуля моя

Она наигранно улыбнулась, скорее для себя, чем для меня, и повернулась в мою сторону.

— А Катерина — средняя... Мы вдвоем пили чай у неё в гостиной. Муж был на работе, зашел сосед-старик что-то попросить. Они сидели на кухне, посмеивались. И тут приехал муж. Услыхал их — и его как сорвало. Схватил ружье, побежал на кухню. Разборки, скандал — бабушка загадочно покачивала головой, все сильнее отдаваясь воспоминаниям. — Я пытаюсь ему всё объяснить. Он вроде понемногу приходил в себя, но случайно нажал на курок. Прямо в Катерину. Так она и умерла. Ладно, давай округляться. Не за чем ребенку всё это слушать. Еще уснуть не сможешь.

— Ну, бабушка, ну пожалуйста, мне совсем не страшно. Обещаю крепко спать. Да и ты почти закончила. Осталось только про брата.

— Ладно, быстро про брата, и в постель.

— Угу.

— Мартин. Совсем молоденький, семнадцать лет парнише. Кудри объемные, золотые до плеч. Самый залюбленный был. У папы-то родились четыре дочери подряд, а тут наконец долгожданный мальчик, разрешали ему всё. Поехал он с другом на рыбалку зимой. Плыли они на лодке, друг лишнего выпил да и упал за борт. Мартин его спасать бросился, закинул на лодку, а сам не смог вылезти. Пошел под лед. Такая история. Всё, бегом спать.

— Бабушка, и как же ты живешь?

— Как и все, котик. Больно вспоминать, ну а кому из нас не больно? Всё, бери кружки и в дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.